

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Вы с уважением оцупывайте их...

В предлагаемый читателю сборник включены наши с покойным Ю. К. Щегловым (1937–2009) малодоступные исследования сорокалетней давности. Они выходили сначала на родине в виде препринтов (*Жолковский, Щеглов 1971; 1972; 1973; 1974; 1978a*) и коротких публикаций (*Жолковский, Щеглов 1975; 1977a; 1977b; 1978b*), а затем в эмиграции — отчасти по-русски, отчасти по-английски — в составе монографий (*Жолковский, Щеглов 1980a; 1987*) и в виде отдельных статей (*Жолковский, Щеглов 1979a; 1979b; 1981; 1982*). Лишь после перестройки некоторые из них были переизданы в России (*Жолковский, Щеглов 1996; 2012a, 2012b; 2014a, 2015*), но единое представительное издание, подобное англоязычной монографии *Жолковский, Щеглов 1987*, на русском языке по-прежнему отсутствует. Этот пробел и призвана восполнить настоящая книга.

Малодоступны публикуемые работы и еще в одном смысле. Они написаны в подчеркнуто структуралистском стиле своего времени, с определениями, пунктами и подпунктами, условными обозначениями и аббревиатурами, схемами и таблицами, затрудняющими для многих читателей гуманитарного склада их восприятие. Но они не просто написаны на некогда модном наукообразном жаргоне, а принципиально задуманы и выполнены именно в таких терминах и претендуют на приоритет и актуальную ценность именно в таком качестве.

Небольшое лирическое отступление. Недавно в Москве, на презентации моей книжки мемуарных виньеток, по моему приглашению выступил почтенный и очень уважаемый мной коллега. Его речь была, в соответствии с неписанным ритуалом подобных okazji, выдержана в неизбежно хвалебном ключе, но не лишена эффектных риторических выражений. Говоря на языке приемов выразительности, рассматриваемых в настоящей книге, им было применено ОТКАЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Он начал с рассказа о том, с каким недоумением реагировал он в своей филологической молодости на перегруженные формулами мои (и Щеглова) работы 1970-х годов (многие из которых и составили настоящий том). Его недоумение возросло еще больше, продолжал он, когда полтора-два десятка лет спустя он стал знакомиться с моими более поздними, вполне осмысленными, на его взгляд, сочинениями. Ему было непонятно, как человек, способный написать нечто литературоведчески приемлемое (то есть я. — А. Ж.), мог годами заниматься столь скучной и бесплодной структуралистской абракадаброй! Развивая

далее свой комплиментарный нарратив, коллега перешел к похвалам (ради чего, собственно, и принял участие в церемонии) моей совершенно уже человеческой мемуарной прозе.

Не имея в виду показаться неблагодарным, позволю себе вступить за наши давнишние работы — за это, так сказать, старое, но грозное оружие.

Они и в свое время были непопулярны даже в структуралистской среде, считались чересчур формализованными, упрощенческими, не уделяющими достаточного внимания смысловому плану художественного текста. Однако подлинной формализации им скорее не хватало, чрезмерным упрощением они не грешили — просто стремились к четкому разделению уровней анализа, а уж проблемой и техникой выражения смыслов (= тем) занимались самым непосредственным образом.

Отталкивала в них именно принципиальная установка на молекулярный подход к самой материи искусства, попытка сформулировать ее элементарные единицы и уравнения, рассмотреть ее простейшие формы, позволяющие выявить секрет зарождения художественности из не-художественности (= простой декларативности). Эти опыты были, бесспорно, далеки от взыскуемого научного совершенства, во многом топорны и, к сожалению, так и не были доведены до конца — ввиду как их неприятия окружающей средой, так и последующей эмиграции, приведшей к попаданию соавторов модели в иной, сугубо гуманитарный преподавательский контекст и к тому же пришедшейся на период смены структуралистской парадигмы постструктуралистской.

В изложении своих более поздних — «по-человечески приемлемых» — работ соавторы перестали выпячивать теоретическую арматуру своих исследований, убрали ее в подмалевок, спрятали в подтекст, закатали в фундамент, но не переставали тайно пользоваться этой таблицей умножения для получения неплохих, как выясняется, результатов. Но длить это сокрытие не кажется мне уместным. Дело в том, что интеллектуальные моды приходят и уходят, а фундаментальные задачи литературоведения остаются, и можно ожидать возвращения интереса к структуралистским идеям и методам, в том числе к разработанным соавторами и излагаемым в настоящей книге.

План ее следующий. Она состоит из двух связанных, но самостоятельных частей: одной — излагающей (на отдельных примерах) теорию и технику анализа художественного текста, другой — практической, посвященной применению этой теории и техники к целостному описанию конкретных текстов — детских рассказов Толстого. Логический порядок следования частей вроде бы напрашивается: сначала теория, потом практика. Но я решил, что с читательской точки зрения предпочтительнее обратный: сначала разбор интересных текстов и лишь

потом — для тех, кому разбор покажется заслуживающим внимания, — секреты его успеха.

Следует сказать, что обе части самодостаточны и могут полноценно восприниматься по отдельности и в любом порядке. В практическом разделе хватает теории, а в теоретическом — примеров ее применения. Кроме того, теоретическая модель осталась не вполне завершенной, так что тем более оправдано помещение ее в конец книги.

Первую часть составило описание в терминах модели «Тема — Приемы выразительности — Текст», или поэтики выразительности, группы сходных детских рассказов Толстого. В этой работе мы попытались с максимальной полнотой и детальностью осуществить проект, заявленный еще в ранней — программной, провокативной и навлекшей много нареканий — статье о задачах порождающей поэтики:

Для предлагаемого типа описаний особенно подходящим материалом представляются группы однотипных по форме и содержанию произведений (пьесы одного автора <...>, сборники рассказов, басен, сказок и т. п.). Можно ожидать, что функции, формулируемые для отдельного произведения, исходя из его темы (то есть функции Эйзенштейна <...>), ввиду идентичности содержания этих произведений окажутся инвариантными для всей группы, то есть совпадут с функциями в смысле Проппа. Тогда следует ожидать появления литературоведческих работ, в которых «грамматика» инвариантных функций будет иметь объясняющую силу для идейной стороны (Пропп, «помноженный» на Эйзенштейна).

(цит. по: Жолковский, Щеглов 2012а: 28–29)

Работа писалась в середине 1970-х годов и была опубликована по-русски в виде препринтов (Жолковский, Щеглов 1978а), а в дальнейшем на Западе по-английски — в книге Жолковский, Щеглов 1987. По замыслу и исполнению (от формулировки инвариантных тем — к филигранному описанию мельчайших деталей структуры), да и по времени создания она принадлежит к тому же кругу исследований, что и работы А. Ж. Греймаса, «S/Z» Ролана Барта (1970) и «Logique du récit» Клода Бремона (1973), которые авторам тогда не были известны. В настоящем издании она перепечатывается с минимальными переделками, продиктованными желанием по возможности упростить и унифицировать изложение и избежать повторов в составе книги в целом.

Вторую часть образуют главы, посвященные отдельным приемам выразительности, их определениям, подтипам, взаимоотношениям с темами и с другими приемами. Три приема (ВАРЬИРОВАНИЕ, ПРЕДВЕСТИЕ, ОТКАЗ) рассматриваются особенно подробно, поскольку в свое время были описаны в специальных статьях (Жолковский, Щеглов 1977б [= 2012б]; 1980б; 1981), другие (КОНКРЕТИЗАЦИЯ,

УВЕЛИЧЕНИЕ, ПОВТОРЕНИЕ, КОНТРАСТ, ПОДАЧА, ПРЕПОДНЕСЕНИЕ) — в виде извлечений из препринтов (Жолковский, Щеглов 1972; 1973; 1974), сделанных для данной публикации. Три приема (СОГЛАСОВАНИЕ, СОВМЕЩЕНИЕ, СОКРАЩЕНИЕ) оставались и остаются не получившими монографического описания, хотя многие их свойства выявляются в ходе рассмотрения других приемов, а также текстов Толстого.

Книга рассчитана на серьезного, а главное, заинтересованного читателя, но ознакомление с ней не представляет особой трудности и обещает вознаградить усилия по овладению сконцентрированным в ней опытом литературоведческого поиска.

А. К. Жолковский
Санта-Моника, сентябрь 2015 г.